

*Вашу мысль,
мечтающую на размягченном мозгу,
как выжиревший лакей на засаленной кушетке,
буду дразнить об окровавленный сердца лоскут;
досыта изъиздеваюсь, нахальный и едкий*

ФИЛОСОФИЯ НЕНАВИСТИ

КАК СОЗИДАТЬ РАЗРУШАЯ

Ваша игра

С вами я на некоторое время стал апологетом политики невмешательства, и вы, кто общается со мной на темы, иные от потребительства, должны помнить — в спорной ситуации я вставал эдакой нейтральной Швейцарией — оставив дилемму подвешенной в воздухе я уходил, посвистывая, на кухню за кипяточком, или набирал номер такси после предложения продолжить что-либо, делая брови дугой, кривя губами...

Я долго молчал.

Была причина — я боялся упреков в занудстве. Действительно, если постоянно разыгрывать партию в спор в компании своих друзей, можно прослыть занудой. Более того, таким образом можно легко испортить вечеринку, а то и вовсе рассорится. По молодости мы все так самоутверждаемся — отстаивая свою точку зрения мы нравимся девушкам, завоевываем репутацию у друзей, и я немало дров нарубил на этом поле — ссорился с родителями, дрался, девушкам нравился, друзей нашел. В детстве я отчетливо помню, с каким удивлением я смотрел как ссорятся взрослые — после серьезного разговора на чистоту они, перейдя через отчетливо ощутимую даже не понимающему сути ребенку точку невозврата, перестают звонить друг другу, а при встрече тактично обмениваются металлическими нотками. Тогда я твердо решил таким взрослым не становиться. И я не стал.

Я поладил даже с теми людьми, от которых получил по морде. Те мосты, которые рухнули от ветхости, не выдержав времени и расстояний, и даже те, которые я сжег в пылу страсти, будучи отвергнутым женщинами, я старательно наводил снова и снова. Просто ради них самих. Без какой-либо цели. Чтобы *были*.

Я не стал *таким* взрослым, я не был им. *Вы* стали.

И я стал молчать. А еще, с вами, *такими* взрослыми, я стал мычать — «мне так нравится», «это мое мнение», «все люди разные», «на вкус и цвет товарища нет», «массовый продукт», «свой стиль», ну и так далее — уходя на кухню и вызывая такси. С вами я легко втянулся в эту игру. Эта игра — наша культура, культура сегодняшней Москвы и России, культура нас, *таких* взрослых, и по каким правилам она ведется я уже рассказал в «Ружье». Эта игра ведется в любой области и действует всепронизывающе — в работе, в искусстве, вообще в жизни, в простом общении между людьми. Я так же рассказал вам о некоторых результатах этой игры. Ее верный признак — когда дело доходит до морали, раздаётся тупое мычание.

Моя игра

За месяц до написания этих текстов, когда я даже не помышлял ни о чем таком, я случайно ввязался в отчаянный спор, и нет смысла описывать его предмет, скажу лишь что я знал что выиграю практически с самого начала. Как я сейчас понимаю, спор был о культуре, и мой оппонент был обречен, потому что не учитывал культурный релятивизм. И как любой спор, тот спор был о морали.

И я его выиграл. По всем правилам вашей игры я был послан куда подальше — *такая* взрослая ссора, знаете ли. Поверженный *такой* взрослый оппонент после примирения заглянул мне в глаза и спросил: «Ты же знал, что выиграешь. Зачем надо было дожимать? Тебе так надо было меня раздавить?». Ах да — это была девушка.

В кармане быстрого ответа не находилось, и я крепко задумался — действительно, зачем? Подозрения падали на эго, и опять быстро выходили на обвинения в занудстве. Я разделил вопрос на два — зачем вообще было спорить (знал, что выиграю) и зачем было спорить так отчаянно (раздавил). Эго полностью закрывает второй вопрос. Я и вправду переборщил, признаюсь — быстро почуяв победу, я яростно обрушил лавину аргументов там, где хватило бы двух-трех, высказанных спокойно. Остался первый вопрос.

Почему Иисус не спорил, когда его судили? А ведь у него были все шансы избежать его участи, какое-никакое а римское право уже действовало. Понтий Пилат дважды выводит его к толпе, заявляя, что он лично не видит его вины. Но Иисус не считал нужным объясняться с судом. Его ответы приводит евангелие, и чем позже евангелие, тем там больше подробностей (или творчества), но суть остается неизменной. Иисус отвечает на все вопросы обвинения уклончиво, а на самый главный вопрос он отвечает «Ты так говоришь». Энциклопедия сообщает, что это типичный вежливый ответ образованного еврея того времени, так как прямой ответ «да» или «нет» считается грубым. На мой взгляд, не спорить было главной ошибкой Иисуса. Вопрос очень интересен, ведь именно в нем, в божь-человеке, буддизм сходится в одну единственную точку с христианством.

Иисус не спорит, потому что спорить — не в его культуре. Иисус не спорит потому, что он верит в бога и полагается на предопределенность событий. Иисус не спорит, потому что не владеет искусством риторики — диалоги Платона навряд ли могли так быстро достигнуть Древней Иудеи в то время, ведь прошло всего 300 лет. Иисуса распинают на кресте, и перед смертью он возносит глаза к небу и просит бога «Прости им, ибо сами не ведают, что творят». А если бы переспорил? Ведь тот спор был священный — это был спор о морали. И с того момента моралью завладевает бог.

Но затем Аристотель, ученик Платона, становится основателем всей западной философии, и на западе человек начинает спорить с богом и церковью — вспомнить хотя бы Коперника и Галилея, Лютера и Гуса, а сегодня и вовсе готов переспорить его окончательно и вернуть мораль себе. На востоке человек спорит сам с собой и таким образом вопрос вообще не стоит.

В западном христианстве человек чаще обращается к Иисусу (Oh Jesus!), ведь с человеком же можно хоть как-то спорить, а в восточном — к богу (О Боже мой!). А с богом спорить уже нельзя. С Аллахом, кстати, особенно не рекомендуется.

С богом у меня разговор короткий, а с собой я и так спорю постоянно. Доспорился — у меня теперь своя игра, и имя ей — «Игра в прятки». Ее правила изложены в соответствующем тексте на последней странице. Ее ставка — освобождение морали.

Дебют

Легко ли пи*деть на солнечном берегу Адриатики? Очень легко, уверяю вас. Излив порцию мыслей на страницу, я спешу спуститься к берегу моря посмотреть на закат. Рваная вата облаков расстилается по небу до невидимой Италии, а под ней на водной глади замерли кораблики — тут и там разбросаны небольшие грузовые суда, и я представляю как их команды сейчас пьют свой вечерний кофе. Солнце очень быстро тонет за горизонтом — я каждый раз надеюсь увидеть зеленый луч, который вспыхивает в последний момент всего на несколько секунд. Его вы могли видеть в «Пиратах Карибского Моря 3». Ни разу еще не поймал — много раз, задумавшись, пропускал этот момент, или опаздывал. Не страшно — каждый день этот шанс выпадает снова и снова.

Тут так легко пи*деть, что только ради этого одного стоило сюда приехать. Ради того, чтобы было легко пи*деть, Горький уехал на Капри, Троцкому легче было пи*деть в Мексике, Набокову — в Швейцарии, Хемингуэю — в рыбацкой деревне Key West, а Пелевину — в Японии.

*Как весело, сделав удачный удар,
смотреть, растопырив ноги как.
И вот врага, где предки,
туда
отправила шпаги логика.*

Многое из того чем я пользуюсь, придумал не я. Делать жизнь лучше — это не спорт, и тут не место для эго-рекордов. Стул на котором вы сидите тоже придумали не вы. Но вам же это совершенно не мешает встать на него и ввернуть лампочку в потолок, и сделать комнату светлее. Стул, лампочку, и комнату придумали не вы, вы придумали сделать светлее. Так же и с философией. Почему бы не выбрать лампочку посветлее? Хочу вам предложить лампочку метафизики качества, раскаленную мной до философии ненависти — она светит ярче.

Стул не становится лучше, если его придумали вы. Сидя на кривом стуле, сделанным вами, вы только тешите свое эго. Это идет из детства — всем нам говорили «ну и что, что плохо получилось, зато сам сделал». Но в большей степени это комплекс неполноценности, который русские заработали после революции и второй мировой — после победы в великой идеологической битве, а затем и величайшую войну в истории человечества, русская гордость невероятно раздулась, только вот качество жизни не спешило улучшаться, ведь жизнь — это то, что происходит пока вы строите планы.

*Когда все расселятся в раю и в аду,
земля итогами подведена будет —
помните:
в 1916 году
из Петрограда исчезли красивые люди.*

Этот комплекс неполноценности сильно роднит русских с евреями с их комплексом богоизбранности, вот почему есть такой феномен как советский еврей — это комплекс неполноценности в квадрате. Отчаянно комплексуя, русские ищут третий путь, выпиливая в муках стул с тремя ножками, и пусть он качается и с него можно легко слететь, но зато он свой. Сменив лопнувшую коммунистическую, в потолке сегодня вам светит тусклая лампочка православия — придумана не на Руси, но потускнела благодаря ей, и уже стала почти родной.

*Мокрая, будто ее облизали,
толпа.
Прокисший воздух плесенью веет.
Эй!
Россия,
нельзя ли
чего поновее?*

Вы отбрыкиваетесь что, мол, тяжело так много не художественного текста читать, вы — те, кому меня читать и читать надо, а кроме меня еще массу всего не художественного, — говорите мне что слог тяжелый, предложения не согласованны? Вам художественности подавай? Я, между тем, необразованный евробомж, заросший и безработный, хочу о сути вам втолковать — вы мне на этом поле подножку сделайте, изящные такие — просил же, умолял буквально.

*Вы,
обеспокоенные мыслью одной —
"изящно пляшу ли", —
смотрите, как развлекаюсь
я —
площадной
сутенер и карточный шулер!*

Вы мычите — ну пожалуйста, ведь мы можем и на другие темы общаться, а мне так весело вонзить вам кол аргумента в грудь и смотреть, как вы вопли поднимаете, как одержимые — ругаться начинаете, обзывать, ссорой грозите, *такие* взрослые. Вы заводите дневник «для души», пишете там «не могу молчать» вместо «могу только мычать», и мычите там, обеспокоенные — куда идти, что купить, как провели время, или ноете о нереализованном творческом потенциале под замочком — смотрите, вот он я, *настоящий!*

*Как вы смеете называться поэтом
и, серенький, чирикать, как перепел!
Сегодня
надо
кастетом
кроиться миру в черепе!*

Как вы можете вообще называться кем-то, делать что-то, если вы не поняли, и даже не пытаетесь понять своей истории, своего времени, своего мира? Из собранного под условным названием «они сказали это, а мир не изменился» вам из 1937 года отвечает Карл Ясперс: «Знание своего мира — единственный путь, на котором можно достигнуть сознания всей величины возможного, перейти затем к правильному планированию и действенным решениям и наконец обрести те воззрения и мысли, которые позволят посредством философствования понять сущность человеческого бытия в его шифрах как язык трансцендентности». А я добавляю — этот единственный путь идет только через освобождение морали, и никак иначе, и я вообще никого развлекать художественностью и в этот раз не собираюсь, и если уж и открываю новый файл, то только ради нее, святой, говоря иначе пытаюсь разобраться, что такое хорошо, а что такое плохо. Я иду исключительно по этому пути, и только благодаря этому выбору у текста есть главное — позвоночник, от которого костями расходятся следствия, конечностями свисают дилеммы, но так или иначе этот путь выводит к голове — к главному выводу. И пусть мои скелеты худо прикрыты плотью художественности и изящества — главное, что они ходят и нарываються на

неприятности, выполняя свое предназначение. И на данный момент никто им никакого вреда так и не смог причинить — так, посмеялись лишь над свисающим мясом.

Этот скелет прежде всего бросает вам перчатку — уже бросил, на этот раз сильнее и убедительнее. Надеюсь, вы почувствовали. Но это *en passant*, пустяк. Главное — хочу воскресить кое-кого, уже догадываетесь, наверно.

Собираюсь воскресить Маяковского. Посмотрите, как он у меня зашагает!

Митшпиль

На самый первый взгляд о Маяковском совершенно уверенно я мог сказать две вещи — во-первых, он отчаянно спорил со всеми подряд — начиная с коллег по писательскому делу и кончая богом, что уже очень интересно, и второе — практически под любую свою мысль я нахожу у него кусок стиха, а такие совпадения редко бывают случайными. Это меня заинтересовало.

Единственная его биография под авторством Юрия Карабичевского, которую я нашел, называется «Воскресение Маяковского». Она была издана в начале восьмидесятых, что мне подходило, так как я искал именно постсоветскую, без пропаганды, а таких, как оказалось, вообще практически нет.

Карабичевский с задачей, поставленной им же в оглавление, не справляется. Он не знает, как эту задачу выполнить, и не понимает зачем это надо делать, а вообще говоря, без этого делать что-либо бессмысленно. Книга начинается с неловких слов: «Маяковского сегодня лучше не трогать. Потому что все про него понятно, потому что ничего про него не понятно». Зато в ней собрано много фактического материала, которым я воспользуюсь.

Карабичевский ходит кругами вокруг неприступного Маяковского, выискивая у него соринки в глазу, не замечая собственного бревна в голове, и хоть он и обнаруживает у своего героя неграмотность, противоречия, несостыковки, обличает его двуличность, но он не видит главного. Он играет с смыслами, делает различные речефигурные выводы вроде «Маяковского не существовало как личности» или «он был поэтом без читателя», но тщетно — воскрешения не происходит.

После выхода биографии на него посыпались обвинения в ненависти к его герою, высказанные в зарубежной критике, и он через семь лет после публикации вынужден оправдываться в послесловии такими словами: «Филология — такая странная вещь, что любое высказанное в ней положение может быть заменено на противоположное с той же мерой надежности и достоверности». Что это за наука такая — филология, я не знаю, но по ощущениям она похожа на литературную биологию, так как Карабичевский рассматривает Маяковского как дохлую лягушку в микроскоп, не имея возможности взглянуть на него извне этой конструкции. Сделать это может философия — она объясняет, как эта лягушка вообще появилась и зачем она прыгала так высоко.

Если взглянуть на Маяковского ни как на поэта, а как на человека, сотворившего себе право на мораль и борющегося за ее освобождение, то можно сделать потрясающие открытия. Это право Маяковский сотворил себе в свой дореволюционный период. Стихи этого периода именно этим и характерны — жалобой на скованность и обидой.

*Загнанный в земной загон,
влеку дневное иго я.
А на мозгах
верхом
"Закон",
на сердце цепь —
"Религия".*

Освобождение морали прозвучало отчетливее всего, конечно же, в «Облаке в Штанах». Маяковский заявляет, что никто, вообще никто (студенты, проститутки, подрядчики), ничем не хуже его самого:

*Я,
златоустейший,
чье каждое слово
душу новородит,
именинит тело,
говорю вам:
мельчайшая пылинка живого
ценнее всего, что я сделаю и сделал!*

[..]

*Мы,
с лицом, как заspanная простыня.
с губами, обвисшими, как люстра,
мы,
каторжане города-лепрозория,
где золото и грязь изъявили проказу, —
мы чище венецианского лазорья,
морями и солнцами омытого сразу!*

*Плевать, что нет
у Гомеров и Овидиев
людей, как мы,
от копоты в оспе.
Я знаю —
солнце померкло б, увидев
наших душ золотые россыпи!*

и высказывает яростный протест всем авторитетам, а в начале предыдущего отрывка, кстати, и самому себе:

*Славьте меня!
Я великим не чета.
Я над всем, что сделано,
ставлю «nihil».*

*Никогда
ничего не хочу читать.
Книги?
Что книги!*

Ясно помню, что в школе его нелюбовь к книгам нам коряво объясняли его эксцентричной натурой — мол, а чего вы хотите от человека, который ходил в желтой кофте с морковкой на шее. Но это же ясный протест против авторитетов, а не против книг как таковых.

В адрес бога Маяковский сыпет угрозами, и возносит себя если не выше его, то на ту же высоту уж точно. Будучи прекрасно осведомленным в священном писании он вообще постоянно спорит с богом в дореволюционном периоде, что просто удивительно для его времени в России. С другой стороны, как раз примерно в это время среди офицеров царской армии в окопах первой мировой войны ходили слухи о том, что какой-то косматый и неграмотный, но святой старец-целитель в перерывах между паломничествами и массовыми оргиями спит с императрицей. Так что самое время было появиться Ленину, издать указ о неподчинении и запретить бога.

Распутин, которого какие-то полные идиоты предлагали канонизировать в новейший период нашей демократической истории — вот вам еще один горячий привет богу, православию, третьему риму и мифу о России-спасительнице. Не лучше ли казалась власть безбожников чем такие «святые»?

Революционного Маяковского принято обвинять в службе власти. Но при внимательном рассмотрении это обвинение с него легко снимается. На мой взгляд, коренное отличие дореволюционного Маяковского от революционного в том, что до революции он говорил только за себя, а после революции решил говорить уже за всех. И в этом его главная ошибка, ошибка всей его жизни и громадный промах в творчестве. Рассуждая философски, говорить за кого-то, кроме себя, вообще говоря, просто невозможно. Не удивительно, что в творчестве Маяковский медленно пошел на убыль.

Из дневника Маяковского: "Голову охватила "150 000 000"... Печатаю без фамилии. Хочу, чтоб каждый дописывал и лучшил. Этого не делали, зато фамилию знали все". Не удивительно ли, что в 1919 году человек задумался о коллективном разуме? Еще до Юнга? Мысль была верная, очень новаторская для своего времени, но практически тогда она была, увы, не реализуема. А ведь сегодня в интернете такое можно было бы легко устроить!

Не удивительно, что многие современники перестали его понимать. Ленин в своей манере комментирует «150 000 000»: "Как не стыдно голосовать за издание 150 000 000 Маяковского в 5000 экз.? Вздор, глупо, махровая глупость и претенциозность. По-моему, печатать такие вещи лишь 1 из 10 и не более 1500 экз. для библиотек и для чудаков. А Луначарского сечь за футуризм".

Удивленный и расстроенный Пастернак пишет Маяковскому на подаренной книге: «Я знаю, ваш путь неподделен. Но как вас могло занести Под своды таких богаделен На искреннем вашем пути?»

Так и занесло — пытаюсь говорить за всех, говорить от лица всего народа, Маяковский вставал, вообще говоря, на место власти, ведь это номинально ее функция — говорить от лица ее народа, но вставал чисто философски — ведь никакой реальной властью он никогда не обладал. Это место оказалось неудачным, эта позиция и не могла быть правильной, потому что она не могла быть собственно позицией никак вообще. Произошла самая что ни на есть классическая подмена понятия — Маяковский попался в ловушку разума.

Из манифеста РЕФа, 1922 г.: "Сейчас мы ждем лишь признания верности нашей эстетической работы, чтобы с радостью растворить маленькое "мы" искусства в огромном "мы" коммунизма".

Ему самому не раз ему приходилось пресекать намеки из зала прямым и грозным вопросом: «Вы хотите сказать, что я продался советской власти?!» Так сказать было нельзя, но возникла эта путающая метафизическая двойственность.

Маяковский продолжал отчаянную борьбу за освобождение морали от лица «мы», и кому только от него не доставалось, не говоря уже про Северянина — от него получали пинки и упреки Блок, Есеснин, Чуйковский, Горький, Луначарский, и даже Сталину он сделал упрек за любовь к «Дням Турбиных» Булгакова. Маяковский придирался ко всему — он требовал персиков в Евпатории, требовал «рецензий на произведения сапожной и колбасной», лифт, просторную квартиру и вообще всю материальную базу и стабилизацию быта. С властью он сосуществовал мирно — он был благодарен ей за то, что она дала ему это право — говорить за всех, и он с радостью тщательно изобличает социальные несовершенства в коротких на одну-две страницы стихах, похожих один на другой. Власть была благодарна Маяковскому, ведь он дал этой власти дар речи — не старая улица, а новая власть так бы и корчилась безъязыкая, не будь у нее Маяковского.

Говоря за всех, Маяковскому проще вытеснить из творчества свое эго, и я уверен, что с этим у него было намного меньше проблем, чем у любого из нас — хотя бы просто потому, что он жил с любимой женщиной и ее мужем в одной квартире. Никак нельзя сказать, что у Маяковского были проблемы с содержанием, но его стихи очевидно намного лучше там, где он говорит «я», чем там, где он говорит «мы», взять хотя бы «Разговор с фининспектором о поэзии» — великолепные стихи на приземленную бытовую тему. В творческом плане с этой двойственностью он так и не смог справиться — в предсмертной незаконченной поэме «Во весь голос» на удивление четко прослеживаются эти метания, причем те гениальнейшие строфы, в которых он говорит про «свой стих» чередуются в этой предсмертной поэме в непосредственной близости с нелепыми и кажущиеся лживыми строфами «мы открывали», «мы учили», и от этого контраста буквально режет в голове.

Тем временем та власть, неудачи которой он тоже не стеснялся открыто критиковать по части бюрократии:

*Рой чиновников
с недели на день
аннулирует
октябрьский гром и лом,
и у многих
даже
проступают сзади
пуговицы
дофевральские
с орлом.*

постепенно катится к тридцатым, меняя напостов на наркомов, чьи бумажки уже не были простой формальностью. Надо отметить, что в советской Россия того времени пока еще поощрялись дискуссии и диспуты, так как этого требовал чистый марксизм, и весь остальной мир глядел на нее с большим интересом, именно из-за победы передовой для того времени идеологии классовой борьбы. Троцкий, который ставил «Облако в штанах» выше всего у Маяковского, отчетливо понимал всю глубину проблемы бюрократизации, и призывал к «перманентной революции» и «постоянной ротации элит», но сталинская бюрократия победила и его в 1929 г. выгнали из страны, чтобы затем проломить ему голову альпенштоком. В приведенном выше отрывке 1926 г. Маяковский отчетливо вторит Троцкому, а ведь после 1930 г. страшнее обвинения в троцкизме в СССР не было ничего.

Разменяв свое «я» на «мы», Маяковскому уже не удалось свое «я» вернуть, и его персональная выставка с треском проваливается. Нам не дано узнать, что довело его до самоубийства — неудача выставки (РЕФ кстати уже требовали коллективную, ведь все эти ЛЕФы и РЕФы был разменом персонального на коллективное), отсутствие Бриков, замужество Яковлевой, разрыв с РЕФом, провал "Бани" или первый запрет на выезд из СССР после девяти удачных, или все сразу. Интересно, что современник Юрий Анненков даже припомнил фразу, будто бы сказанную ему Маяковским перед последним отъездом на родину. В том смысле, что, мол, тебе хорошо, ты остаешься в Париже, а мне вот надо туда, к ним... («я» снова возвращается в «мы»).

Но своим самоубийством для меня Маяковский ставит большой метафизический знак минуса под своим «мы» и дает мне понять глубину его тупика. Маяковский никогда никому не служил, кроме себя, и уж тем более он не служил советской власти. Он служил всему самому лучшему, что есть в человеке, когда он был одним, и служил тому же — морали, когда стал ста пятидесятью миллионами, и именно на эта служба довела его до самоубийства. Ему надо было продолжать быть самим собой, и я уверен, он бы еще много чего сказал бы и напрямую против Сталина, так как другого пути у него не могло быть, особенно если бы он уехал за границу вслед за Троцким. Он действительно был одним из лучших людей, был в полной мере умом, честью и совестью своей эпохи. Не важно, если в борьбе за мораль он мог перегнуть палку, важно, что у него была всегда одна и та же цель. Именно его надо вспоминать сегодня, а отнюдь не любителя художественности и изящества Пушкина, при всем уважении, так как только такой человек, и только с такой целью так сегодня нужен там, где все будто воды в рот набрали. Маяковский и сам знал это, и поэтому так часто предсказывал свое воскрешение:

*Я,
обсмеянный у сегодняшнего племени,
как длинный
скабресный анекдот,
вижу идущего через горы времени,
которого не видит никто.*

А тем из вас, кто еще считает, что он обслуживал советскую власть, я предлагаю взглянуть на сегодняшнего Михалкова. Никита Сергеевич, офицер спецслужб, который бывшим не бывает, ветеран двух чеченских — Маяковский из глубины времен — ВАМ! (1915)

*Вам, проживающим за оргией оргию,
имеющим ванную и теплый клозет!
Как вам не стыдно о представленных к Георгию
вычитывать из столбцов газет?!*

*Знаете ли вы, бездарные, многие,
думающие, нажраться лучше как, —
может быть, сейчас бомбой ноги
выдрало у Петрова поручика?..*

*Если б он, приведенный на убой,
вдруг увидел, израненный,
как вы измазанной в котлете губой
похотливо напевааете Северянина!*

*Вам ли, любящим баб да блюда,
жизнь отдавать в угоду?!
Я лучше в баре блядям буду
подавать ананасную воду!*

Надо только заменить Петрова поручика на реального чеченского парня, а Северянина на кого угодно из этого мерзкого кружка творческой придворной элиты, получающих Кремлевские премии. Самое интересное в фильме «12» происходит после титров — эта гэбня в лице Михалкова просто переписывает на себя ту квартиру, из-за которой парня пытались засудить, а сам парень оказывается на помойке, но уже под «крышей» — его трогать теперь никому нельзя. И главное, что сам Михалков про это «гуманистическое» рейдерство прекрасно знает, и все знают. Я, к сожалению, по закону не могу требовать от Михалкова самоубийства физического (а Маяковский бы мог потребовать), да он и не думает застрелиться, но хотя бы творческого (метафизического) очень хотелось бы. Я признаю, что он очень хороший режиссер, но как его занесло под своды *таких* богаделен?

Так и занесло — деньги, и ванная с теплым клозетом как их выражение, подменили мораль. Удивительный парадокс — даже у вас, кто зарабатывает неплохо, рано или поздно заканчиваются деньги. На вопрос «как дела?» вы обычно отвечаете — нормально, кредит на телевизор отдал, но сейчас надо новый брать — на ремонт.

*Женщину ль опутываю в трогательный роман,
просто на прохожего гляжу ли —
каждый опасно придерживает карман.
Смешные!
С нищих —
что с них сжулить?*

Маяковский удивительно честен даже в борьбе за биологическую мораль. Его порывы кого-то изнасиловать есть ничто иное, как выражение биологической морали, наличие которой невозможно отрицать, и которая хоть и видится такой мерзкой и похотливой обществу, но от этого не перестает существовать. Он признает ее и называет святой — я цитировал его обращение к Марии, это лучшее что было сказано на эту тему из всего что я слышал. Из глубины времен Маяковский отвечает «самому известному российскому современному художнику» (журнал GQ, 2007 г.) Кулику в стихотворении 1915 г. «Как я сделался собакой».

На Маяковского гораздо интереснее смотреть именно как на человека, сотворившего себе право на мораль и борющегося за ее освобождение, а не как на дохлую стихотворную лягушку. То, что он сделал для языка, я специально оставил за скобками — я перечитал его собрание сочинений, и вы даже себе не представляете, сколько всего от него у нас осталось в обычной речи, о чем мы даже не подозреваем — уж точно в тысячу раз больше, чем шуток из «Приключений Шурика». То, что такой человек появился в России в то время, просто удивительно — я не назову ни одного даже близкого ему аналога где-либо еще в то время. Он бесспорно заслуживает воскрешения, заслуживает больше чем кто-либо другой.

А где Маяковские сегодня? Где ТАКИЕ взрослые? Почему все в рот воды набрали? Ведь высказаться сегодня стало намного проще благодаря техническим достижениям, даже «150 000 000» можно написать, но и в интернете все только мычат.

Но не так все печально. Маяковские на самом деле существуют, и я даже имею честь знать парочку лично.

Эндшпиль

Маяковский от издательского дела — безусловно Бершидский. Он скромничает по поводу своей внутренней совести, но она у него всегда работала на отлично. Бершидский сам часто говорит, что он никогда не ошибается — верный признак освобожденной морали, он подкреплен результатами его стремительной карьеры. Ради издательской морали Бершидский может орать на всех в мегафон, швыряться плохо сделанным журналом в плачущих женщин из отдела производства или угрожать генеральному директору. Сейчас он работает в инвестиционном фонде, и за качество работы фонда и репутацию можно быть спокойным, а начать волноваться стоит если он оттуда уйдет. Сегодня на перегретом «лучшими людьми на рынке» издательском поле совершенно не видно места, где он бы мог впрячься по издательскому делу, а точнее это место может быть любым. Бершидский не смог молчать и вывесил кое-какое бельё из цеха на обозрение совершенно правильно — там уже давно пора некоторым повисеть на кресте. На этом фоне под конец года, поджав юбку, из Ньюсвика сбежал человек-бренд Парфенов. В какой-то момент я еще надеялся, что это будут намерения 1991-2007, ведь материала после работы в еженедельнике должно было быть предостаточно, но, увы, Парфенов предпочитает перепечатывать свое же старье. Я не знаю, какой проект был бы прибыльнее, но в том, что намерения 1991-2007 сейчас нужнее я совершенно уверен: хоть числа и некрасивые, но явно ощутимая эпоха с предстоящими выборами заканчивается. Этот уход в тыл — еще одна констатация печального состояния российской журналистики, и Парфенов в ней — вовсе не Маяковский, а расчетливый маркетинговый ход.

Маяковский от маркетинга — Кропивницкий. Он борется с узколобыми «генералами от маркетинга» на достаточно консервативном рынке строительства, яростно объясняя и доказывая на лекциях, в блоге и с глазу на глаз, что маркетинг — это наука о науке, наука о том, как научить клиента покупать у тебя, что маркетинг — это репутация и компетентность, это хорошая история отношений с клиентом, которые стремятся быть лучше, а не только внешние атрибуты вроде фирменного стиля и вежливой секретарши. У Кропивницкого много анонимных врагов со своим не аргументированным мнением и точкой зрения, которые постоянно ему гадят на форумах и в блоге, но он не ленится отвечать и им. Обладая подвешенным языком и отличным устным счетом Кропивницкий укатывает любого оппонента в асфальт, а если на промахе ловят его самого, то оппонент автоматически становится ему ближайшим другом.

Кропивницкому очень тяжело продвигать маркетинг в стране, опутанной системой откатов, в стране, где настоящим брэндбилдингом занимается, кажется, только одна полосатая сотовая компания, а все остальные просто сорят этими модными словами, ничего в них не понимая. Но он не сдаётся, так как у Маяковского путь один, и однажды вступив на него, уйти с него уже нельзя. Все считают его занудой, потому что у него всегда находится мнение о любых событиях личных и финансовых отношений в терминах рынка, но это занудство святое — это верный признак борьбы за мораль.

Маяковский есть даже в телевизоре — это Гордон. Он начинал с Соловьевым, где отчаянно с ним спорил — не думаю, что они на самом деле полярно расходились во мнениях по теме каждой передачи, но дискуссии они вели умело. А с другой стороны — где сейчас Соловьев мы прекрасно знаем. Затем у Гордона был период когда он позаигрывал с «массовым продуктом», но он закончился — сейчас он ведет «Закрытый показ», где часто выходит из себя и набрасывается на людей, делая то, чего в принципе не может быть — оставаясь умным человеком в телевизоре. При этом Гордон признается, что кино любит меньше всего из искусств, но для этой передачи поставил условие: он не просто ведущий, он тоже телезритель и у него тоже есть своя точка зрения. Совершенно верно: не обязательно

быть актером или режиссером, чтобы критиковать кино. Вообще не обязательно кем-то быть, чтобы что-то критиковать. Из интервью: «Художник волен творить как ему хочется, но когда он выдает произведение на публичный суд, значит, что он сознательно влез на табуретку и готов получать как лавры, так и пинки, как и тот несчастный режиссер [неизвестно], которому кто-то сказал, что он гений. После этого обычно у провинциальных мальчиков несет крышу. Что меня поражает: не научившись еще внятному языку, ни театральному, ни киношному, элементарной грамотности, начав писать только первые буквы своего алфавита, он уже выводят слово «мо-ни-фест». Хорошо, если «монифест», а то еще и «money-фест». Почти все, что я тут вижу, за редкими трогательными исключениями подходит под характеристику, которую дал министр культуры Великобритании, посетив одну выставку актуального искусства. Побродив по залам, этот несчастный лорд написал в книге отзыв: «Холодное, расчетливое говно». И я, увы, в потугах молодых и не очень режиссеров вижу тоже самое. Если человек искренне заблуждается, это можно простить. А когда все сделано на мелком глазу, с холодным носом да еще без знания элементарной кинокультуры, тут я воздеваю руки к небу и начинаю кричать, как сошедший с ума еврейский пророк». Правильно — не возносить же глаза к небу в молитве.

Маяковский от дизайна — сами знаете кто. У Лебедева всегда есть подкрепленное аргументами мнение на любую тему в его линче, собственные исследования по вопросам дизайна, интересна так же его критика в адрес Супа. Все это он не стесняется сдабривать крепким словцом, но не смотря на это он в целом имеет хорошую репутацию. Лебедев входил у меня в парад Маяковских с некоторой натяжкой, причину которой я долго не мог понять. Дело думаю в том, что он заигрался в авторитета — долгое время он не вступает ни в какие дискуссии, оставляя за собой позицию последней инстанции, что делать в наше время крайне опасно — толпа ведь тоже умнеет, и может в любой момент его разорвать. Но буквально в самое последнее время он принялся обустраивать свой блог, и осмелюсь предположить что скоро мы его увидим более открытым для общения. Стандарты качества студии так же нуждаются в апдейте — если их стиль был узнаваемым и был признаком хорошего вкуса, то сейчас он выглядит скорее консервативным, и оттого слегка скучным. Хорошее долго хорошим оставаться не может, хорошее надо все время улучшать. Обоснованное, продуманное лучшее безусловно друг хорошего, а не враг. Признак Маяковского — даже если он и заблуждается, заигрался, так или иначе он выйдет в единственно верную дверь из этого положения.

Всех сегодняшних и вчерашних Маяковских, кроме присущего им мегазанудства, которого они совершенно не стесняются, сильно роднит с реальным еще одна вещь — ненависть. Ненависть к плохо сделанной работе, ненависть к тем, кто мешает сделать работу хорошо, ненависть вообще ко всему, что мешает делать хорошо, так или иначе — ненависть ко всему плохому. У Маяковского была удивительная способность к ненависти. Он мог ненавидеть все и вся, от предметов обихода до знаков препинания ("С тех пор у меня ненависть к точкам. К запятым тоже"). Каждый новый пункт его автобиографии кончается признанием в какой-нибудь ненависти. Объекты своей ненависти Маяковский разрывал на части, насаживал на штык, вгрызался им в горло, заливая кровью и разбрасывая куски мяса по страницам своих стихов. Все вышеперечисленные Маяковские так же жестоко обходятся со своими объектами ненависти.

*Убьете, похороните — выроюсь
Об камень обточатся зубов ножи еще!
Собакой забьюсь под нары казарм!
Буду, бешеный, вгрызаться в ножища,
пахнущие потом и базаром.*

Что такое ненависть?

Нейробиологи, которые сегодня проникли почти в самую глубину души человека, утверждают что большинство морально-нравственных установок человека основано на эмоциях, из которых можно выделить одну особенную — отвращение. Эта эмоция, которую способны испытывать и животные, например кошки, необычайно сильно развилась именно у человека. Биологический, эволюционный смысл отвращения представляется вполне понятным: это адаптивное, способствующее выживанию стремление избежать контактов с заразой, не есть негодную и опасную пищу, а так же сохранять собственную целостность, удерживая внутри то, что должно быть внутри (кровь), и снаружи то, что должно быть снаружи. Возможно, на заре человеческой истории наши предки научились испытывать отвращение к разного рода чужакам, «не нашим». Психологи при помощи МРТ так же доказали, что возбуждение тех отделов мозга, отвечающих за страх и отвращение, снижает активность тех отделов, которые отвечают за жалость и сочувствие. Ученые делят отвращение на первичное, которое помогало выжить индивидууму, и моральное отвращение (так они его называют), которое помогало выжить коллективу, сохранить целостность социума. В то время когда ученые больше обеспокоены теми пережитками, которые остались после процесса эволюции от морального отвращения, которыми бессовестно пользуются политики, я хотел бы обратить внимание на созидательную сторону морального отвращения, или ненависти, ее прямого рационализированного наследника. Так, если первичное отвращение, чистая эмоция и не позволяет нам в первые минуты считать грязного бомжа личностью, то включив голову мы рано или поздно к этой мысли приходим. Но если мы узнаем, что этот бомж кого-то изнасиловал или убил, чего по внешнему виду человека никак нельзя сказать, мы таким же образом можем рационализировать моральное отвращение к нему, как нашу социальную функцию, до ненависти как к насильнику или убийце.

Таким образом ненависть — это рационализированная эмоция.

В составе из 16 мотиваций современного человека 10 — социальные. Они, посредством рационализации и формируют наше общество как совокупность моральных устоев таким какое оно есть. Я вынужден констатировать, что в пыльном мешке одной шестой части суши имеют место быть как и значительный перекося этих мотиваций, что выражено в скудном наборе ценностей, обозначаемых социологами одним словом — Survival, и это ведь при значительном количестве денег; так и слабая рационализация морального отвращения как созидательной социальной функции, или попросту говоря, там не хватает мозгов чтобы понять, что такое хорошо, а что такое плохо. Все это вдвойне удивительно для народа с самым обширным представлением о зле, а благодаря большевикам — и о ненависти тоже.

Ненависть так же интересна тем, что диалектически она противоположна любви. Я вот все думал — ну что там можно любить? Что там есть хорошего? Ну хотя бы что-нибудь вы можете назвать, хотя бы что-то одно, единственное?

Не могу назвать ничего.

Очень хочу сказать — женщины, но даже этого не могу. Даже женщина — только откроет рот, а оттуда сразу такое вылетает, и в душу как будто насрали. Ничего сказать о себе вне каких-то социальных категорий или потребления она сразу просто не в состоянии, и с некоторых пор сражаться за женщину стало значить для меня разгребание всего этого лома у нее в голове, что очень опасно — она ведь брыкается. А я ведь когда-то писал стихи, стоял под окном, валентинки клеил... Я неплохо могу сыграть тот образ, который ей близок, но я просто морально не в состоянии делать это долго, да и нет в этом никакой перспективы. Стало тяжело быть просто собой.

Маяковского заменит в виде исключения Бродский — уж очень удачный у него есть кусок.

*Жить в эпоху свершений, имея возвышенный нрав, к сожалению, трудно.
Красавице платье задрал, видишь то, что искал,
а не новые дивные дивы.
И не то чтобы здесь Лобачевского твердо блюдут,
но раздвинутый мир должен где-то сужаться, и тут —
тут конец перспективы.*

Даже такое понятие, как прекрасная незнакомка уже смылось — в пятнадцатимиллионном городе куда не зайдешь — везде одни и те же рожи. Мне кажется, я уже знаю их всех — с кем не знаком, мог бы познакомиться через общих знакомых, но не хочу.

Некогда любимые мною глаза смотрят на меня холодные, погасшие, вымученные изнутри; натянув улыбку, поглядывая на часы. Из некогда любимых уст — «видела», «была», «ходила», «купила», «круто», «клево».

Просто эпидемия неискренности, и как следствие защищенности и социального пафоса. Или наоборот...не важно.

*Слушайте ж:
все, чем владеет моя душа,
— а ее богатства пойдите смертьте ей! —
великолепие,
что в вечность украсит мой шаг,
и самое мое бессмертие,
которое, громяхая по всем векам,
коленипреклоненных соберет мировое вече, —
все это — хотите? —
сейчас отдам
за одно только слово
ласковое,
человечье.*

*За человечье слово —
не правда ли, дешево?
Пойди,
попробуй, —
как же,
найдешь его!*

Вы скажете — друзья. Вы, мои друзья, у меня начали вызывать крайнее беспокойство, и в большей степени по этой причине я так мыслею и потек к вам в почтовые ящики. В лучшем случае вы, которых я видел у себя за последнее лето, тут валитесь измученные на пляже вниз лицом и от любых моих вопросов отбрыкиваетесь. Мне вторят социологи — состояние населения в России они характеризуют тотальной апатией. В худшем случае я просто молча слушаю вас и жду пока это закончится. Мне уже давно по духу намного ближе британец или американец. Я легко находил себе друзей в Голландии, в Германии и в Финляндии. Там люди больше похожи на людей, чем в России.

Что можно там любить? Людей — увы, нет. Про все остальное я уже писал.

Ответ один — никого и ничего.

Мне остается только одно — все это ненавидеть. Только разрушив ненавистью то, что любить нельзя, можно хотя бы освободить место для нового, для того, что можно будет любить. Ненависть есть ничто иное, как неудовлетворенное желание любви.

Все то, о чем я писал про Россию и про русских я ненавижу, и другого отношения к этому у меня просто не может быть. Значит, я буду все разрушать — так же как я разрушаю стереотипы в вашей голове своей писаниной, я буду разрушать все остальное вокруг вас, что могу достать отсюда — буду аргументированно развенчивать всех этих молодых эго-гениев, от которых уже нет продыху, буду крушить репутацию всем этим журналам, которые нагло выдают отсутствие дизайна за дизайн, фотографам, которые кичатся своей дорогой техникой, забыв о самой фотографии и даже о композиции, всем этим Лайвджорналам, Одноклассникам и прочим неумехам в сети, которые даже перетянуть из-за бугра ничего толком не могут. Если Тайлер в Fight Club называл потребителей тупиковой ветвью эволюции — advertisement has us chasing cars and clothes, work jobs we hate to buy shit we don't need, а ведь под shit он имел ввиду сK, Armani, Gucci, Ikea, Microsoft, Yahoo, то кто же те «лучшие люди на рынке» с лунными зарплатами, которые в России делают такое говно, которое кто-то еще умудряется потреблять? В терминах эволюции они просто плесень. Зубной налет, не более того. Надо их кипяточком аргументации, сравнения, меткой критики просто смыть коллективным усилием.

Я буду это делать в личном блоге, а так же сейчас я участвую в создании веб-проекта, который будет специальной технически приспособленной интернет платформой для разрушения всего уже тысячами людей. Ну чем не «150 000 000»? Его создатели меня пригласили в команду после того как почитали мои тексты — они хотели бороться с современным искусством, которое тоже надо разрушать с особой ненавистью. К нашему искусству даже двух первых эпитетов из определения британского министра культуры нельзя приставить.

Сейчас я настаиваю на том, чтобы только искусством не ограничиваться — надо разрушать как можно больше всего разного.

Таким образом я хочу отправить повисеть на кресте тех, кто давным давно этого заслуживает. Я вообще всегда радуюсь, когда русские получают по жопе — подрядился писать обзор западной прессы о России для Свайра из Business New Europe. Если кто-то там не получит инвестиций или партнерства благодаря его метким статьям — будет просто отлично. Когда русские получают по жопе они эволюционируют. Значит, надо посильнее по ней бить, и почаще — первое и второе правило Бойцовского Клуба.

А может и не буду ничего этого делать. Плюну на вас на всех и буду по английски писать. Раз уж вы по русски меня почитать не можете, то уж по английски тем более не станете.

*Все чаще думаю —
не поставит ли лучше
точку пули в своем конце.
Сегодня на всякий случай
даю прощальный концерт.*

Теперь я понимаю, что означали все эти взгляды во время моего отъезда. Они означали — «Ты для нас умер. Тебя больше нет». Уехав, я совершил метафизическое самоубийство. Меня уже не существует в тех категориях, в которых вы меня знали. Существовать для вас в виде

писем и болтовни по аське тоже не представляется возможным — вы не реагируете, в крайнем случае пишете «приезжай, поговорим». Ну да, поговорим, выпьем.

Окончательный переход на английский будет значить полное завершение этого акта суицида. Уже не поговорим. Иностранец. Ч-у-ж-о-й.

Я знаю, я болезненно честолюбив. Хочу быть Маяковским.

Хочу, чтобы все были Маяковскими.

Я вижу его, идущего через горы времени, которого не видит никто.

Уже вижу, как тысячи, миллионы Маяковских тщательно выполняют свою работу, выглядывая малейшие недочеты друг у друга, радостно хлопают друг друга по плечу в благодарности за каждое верное замечание. Деньги для них — не главное. С такими вообще ничего нельзя сделать. Вижу, как все, везде, стало лучше.

Я вижу, как люди снова стали людьми. Лучшими людьми на целом свете!

Видали его?! Встал и пошел!

Зашагал, красавец! Пошел разрушать! Созидая!

*Выньте, гулящие, руки из брюк —
берите камень, нож или бомбу,
а если у кого нету рук —
пришел чтоб и бился лбом бы!*

*Идите, голодненькие,
потненькие,
покорненькие,
закисшие в блохастом грязненьке!*

*Идите!
Понедельники и вторники
окрасим кровью в праздники!
Пускай земле под ножами припомнится,
кого хотела опошлить!
Земле,
обжиревшей, как любовница,
которую вылюбил Ротшильд!*

Шах и мат

Вы должны были заметить — я власть особо не критикую. Не вижу смысла. Ну а что власть? Чего на нее все валить? Разве это не ваше же отражение в кривом зеркале? Помните Дугина с www.russia.ru? Путин становится не Дугиным, он становится вами. Это вы не терпите никакого другого мнения, избегаете любой дискуссии, защищая свое эго-privacy, боясь за сохранность вашего раздутого лживого эго-образа, а с вами и власть — не участвует в дебатах, не приемлет никакого другого мнения, холодно выдавая искусно созданные политологами заученные речи. Недавно за рождественским столом крайне самоуверенный толстяк набросился на меня с кулаками из-за того, что я дал ему совет по фотографии — вам же что не скажешь, вы отвечаете, обиженные: «не учи меня жить». Так и власть разбирается с теми, кто указывает ей на ошибки — организовывая травли, бросая людей в тюрьму, травя их полонием, убивая из-за угла. Вы полагаетесь на детскую формулу «зато сам сделал» в любой работе — так и власть кичится своим изоляционизмом от всего мира, особенным путем, не считает нужным ни с кем объясняться — закрывает западные неправительственные организации, гонит западных наблюдателей вон из страны, хочет чтобы с ней считались, но не объясняет почему. Вы готовы на любые моральные компромиссы ради денег: вы счастливы работать за откаты, давать взятки, делать говно за хорошую зарплату — так и власть — рейдерски захватывает нужные ей предприятия, отбирает компании, отмывает грязные деньги. Вы считаете всех вокруг себя быдлом — вам отвратительны хачи, евреи, таджики — власть издевается над ними, обирая их до нитки, избивая дубинками, отказывая в документах.

Это не власть выкатывает свои ржавые сигары на красную площадь на девятое мая, это делаете вы — вы смотрите военно-патриотические сериалы, думая о себе как о великом народе. Вы поднимаете ржавые стратегические бомбардировщики в воздух, пугаете норвежских рыбаков единственным авианесущим крейсером — это все делаете вы, когда называете американцев тупыми пиндосами, а Европу — загнивающей в стариках скучной деревней.

Зачем вам, *таким* взрослым, демократия? Зачем вам честные выборы? Зачем вам вообще политика? Вы даже не способны объяснить, чем демократия лучше — я имею ввиду сайт СПС, где вся программа состоит из одного утверждения: «выбираем западный путь развития», и никто даже не потрудился объяснить, чем он лучше.

Между тем, именно это и отличает человека от животного. Животное живет только инстинктами — оно чувствует боль, голод, опасность, но оно совершенно не способно отличить один день своей жизни от другого, и решить, какой был лучше. Это может только человек. Только человек способен это понимать — это и есть суть человеческой морали. Меня удивляют люди, которые разменяв третий десяток своей жизни, не пользуются этим главным свойством человеческого рода, мыча в ответ на все «мне так нравится», «меня все устраивает». Соврал — я их ненавижу.

Как-то на Кавказе мы с товарищем случайно нашли в лесу осликов. Ослики очень упрямы — если ослик чем-то занят, в тот раз ослики щипали траву, то его совершенно невозможно сдвинуть с места. Когда мой товарищ пытался залезть на одного из них, я, так как лошадям не доверяю, пытался просто сдвинуть другого с места. Я его толкал сзади, тянул за вожжи спереди, чтобы он пошел вперед, но в ответ на любое мое усилие он начинал жалобно кричать «Меееее». Чем сильнее я толкал, тем громче он кричал. В переводе на человеческий он кричал: «Мнеееее так нраааавится». Многие люди заставляют меня вспомнить этого беднягу ослика, но его-то я прекрасно могу понять, а вот этих людей — уже нет.

Интересно, что в английском языке этот оборот с таким значением используется крайне редко. В английском больше используется слово better, то есть «лучше» — I'd better, или «мне нравится лучше всего» — I like best. В английском за простым I like it нельзя спрятаться, как в домике, I like it — это то, что нравится вообще, например пешие прогулки или фастфуд, и в форме глагола I like, I'd like уже скатывается в не менее мерзкое моему уху русское «я так хочу». В форме существительного the likes — это подобные люди, похожие, *такие как все*.

Известно, что время боготворит язык, вот почему я ненавижу эти слова — «мне так нравится», «я так хочу», «меня все устраивает». Они не объясняют ничего, это просто ослиное мычание и ослиное упрямство. Намного лучше «я люблю», которое по понятным причинам вместо «мне нравится» никак и никогда у вас не вылезит, но мне особенно любо «я ненавижу», так как в отдельно взятой стране обратное этому применить просто не к чему.

Какой язык, такие и времена. Какие времена, такие и люди. Какие люди, такой и язык.

В этой троице переменным является единственный член — люди. Остальные два — язык и время — его свойства.

Не будьте ослиами.

Будьте Маяковскими.

*Спасибо Петру Чайреву за собрание сочинений Бродского,
Андрею Инкину — за собрание сочинений Маяковского.*

*Саша Пряжников (ский :-),
февраль 2008 г.*

P.S.

*Я хочу быть понят родной страной,
а не буду понят —
что ж?!*

*По родной стране
пройду стороной
как проходит
косой дождь.*

*P.P.S. Петя, а ведь тогда в Нескучном саду Ваня читал «Облако» именно так, как его и
следует читать. Но и ты читаешь «Письмо товарищу Кострову» правильно.*